

Станислав Шушкевич: Советский Союз не умирал ни на минуту. Он должен умереть

Станислав Шушкевич сыграл ключевую роль в советской истории. Председатель Верховного Совета Беларуси, в 1991 году он – вместе с президентами Украины и России Леонидом Кравчуком и Борисом Ельциным – подписал Беловежские соглашения, положившие конец СССР.

Он возглавлял Верховный Совет уже независимой Беларуси до 1994 года. Сейчас ему 81 год, и Шушкевич считает, что СССР «не умирал» – он продолжается в Беларуси под авторитарным руководством Александра Лукашенко.

Интервью записывалось в сентябре 2015 года.

Анна Соусь: Станислав Станиславович, а сколько стран в этом году вы посетили как первый руководитель белорусского государства?

Станислав Шушкевич: Это не очень легко посчитать. Начнём с Соединённых Штатов. У меня был большой тур по Штатам, я встречался там с очень ответственными работниками, е меня была встреча с белорусской диаспорой... Потом я был в Страсбурге, в Брюсселе, много раз был в Варшаве (я -- фактически штатный сотрудник Варшавского университета, читаю там лекции), был в Румынии, много раз был в Украине, в Азербайджане, в Южной Корее... Я уже боюсь что-нибудь забыть. Уже не считаю, сколько раз был в России. Единственной помехой пребывания в России является так называемое союзное государство. Когда летишь, например, из Минска в Сеул, то твой багаж приезжает в Сеул, а когда летишь из Сеула в Минск, то его надо растаможить в Москве, перетащить из одного места в другое. В общем-то целая идиотская процедура благодаря этой идиотской затее, которая ничего, кроме сложностей, не принесла. Был в Швеции в Гётеборге, у нас там было совместная панель с Ландсбергисом, Кравчуком и Бурбулисом. Так что довольно много где был.

Анна Соусь: Вы упомянули так называемой союзное государство Беларуси и России. Я хотела бы процитировать фрагмент из вашей книги "Моя жизнь. Крушение и воскрешение СССР": "Подписав рукой президента России и ратифицировав российским парламентом Беловежское соглашение, Россия впервые с 1794 года признала независимость своей граничащей с ней колонии Беларуси". Это был 1991 год, Россия, как вы написали, впервые признала независимость Беларуси. После этого было союзное государство, Евразийский экономический союз. Как вы считаете, а насколько велика угроза независимости Беларуси со стороны России сейчас?

Станислав Шушкевич: У нас недостойная политика. Если президент делает какое-то заявление, то неизвестно, так это будет или наоборот. У нас есть такой исследователь Подгол, который целую книжечку заявлений Лукашенко опубликовал, в которых он в первых строках про-российски настроен, а в последних строках вдруг про-западно настроен. Верить ему нельзя. Я думаю, что ради сохранения личной власти наш сегодняшний нелегитимный президент продаст всё что угодно, включая Беларусь. Хотя он и заявляет, что он сторонник белорусской независимости, все его действия противоречат этому. Во-первых, незачем решать вопрос с военным присутствием России, незачем нарушать Конституцию и посылать белорусских военных за рубеж, поскольку они не должны участвовать ни в каких действиях согласно Конституции. Угроза очень большая из-за того, что работает старый советский принцип "я – начальник, ты – дурак" сверху донизу. Ему покажется сейчас, что трудно сохранить власть, потому что есть экономические сложности, и он начнёт заигрывать с Западом, а наивный Запад развесит уши и поверит ему. Казалось бы, сейчас я очень доволен, что освобождены политические заключённые, но они не реабилитированы. Что это за освобождение? Ни в чём не виноватый Статкевич должен ходить отмечаться чуть ли не каждый день в отделение милиции, и он не имеет нормальных политических прав. Это не освобождение, это заигрывание. А формально Запад счастлив, доволен. Я тоже счастлив, доволен, что они на свободе. Но это недостойная игра, недостойная политика.

Анна Соусь: А цена независимости Беларуси в 1991 году и в 2015 году – когда она была более велика?

Станислав Шушкевич: Можно стать на путь независимости. Констатация того факта, что Россия признаёт независимость Беларуси, как вы процитировали мою книжку, наступила в декабре 1991 года после подписания и ратификации Думой и белорусским парламентом этого договора о создании Содружества Независимых Государств. Я – горячий сторонник Ельцина. Он чётко придерживался принципа права на национальную государственность. По-настоящему, не лицемерно. И надо было бы следовать по этому пути. Но у Лукашенко не было другого варианта чтобы как-нибудь закрепиться, получить поддержку России, кроме как объявить всех врагами России. Вот я тоже стал врагом России, Белорусский Народный Фронт – это враги России, всякие политические образования – враги России... Один Лукашенко... Ночью вкопали пограничный столб на границе Беларуси и России, утром выкопали вместе с Чернобырдиным – такое лицемерие, показуха. Я раньше думал, что высокообразованный Путин никогда не позволит себе заниматься такими глупостями, которыми занимается убого образованный Лукашенко. Оказывается, что тому только выгодно. Медведев в бытность президентом России осуждал Лукашенко, а потом они вдруг все пришли к выводу, что политически очень выгодно иметь

здесь такого царька, фактически наместника. И поэтому угроза независимости Беларуси очень велика. Если сравнивать с 91-м годом, я бы не сказал, что ситуация была лучше. Тогда по инерции мы по многим позициям оказывались очень зависящими от России. И надо было достойным образом эти вопросы решать. Достоинство было потеряно в первые же дни, потому что Лукашенко заявил о своём верноподданничестве не только словами, но и действиями.

Анна Соусь: В своей книге вы писали о том, что белорусы в советское время были даже более советскими, чем россияне. Очень метафоричное название вашей книги – "Крушение и воскрешение СССР". Вы можете сказать, в какой день, в какой год, в какой момент в Беларуси воскрес Советский Союз? Было это раньше, чем он воскрес в России, или позже?

Станислав Шушкевич: Если серьёзно анализировать, а я физик по образованию, то есть целый ряд критериев независимости. Советский Союз не умирал. Самое страшное, что он не умирал ни на минуту. Почему? Цель – это не исчезновение Советского Союза, а достойная государственность. Её нужно строить, нужно менять ментальность людей, менять их мировоззрение, и это нельзя делать принудительно. Это должно быть образовательный, просветительный процесс. У нас всегда была такая дружба народов, что вообще с ума сойти, уже более дружных нет. А если посмотреть действительно на серьёзную политику, то как можно было делать Беларусь ядерным заложником России? Ведь не было ядерного оружия на территории Смоленской области, оно было на территории Беларуси. И если возникает конфликт, то та же многострадальная Беларусь должна была пострадать от уничтожения на её территории ядерного оружия, то есть её должны были уничтожить, она была заложником России. В чём суть постсоветского реформирования должна была быть? Надо было показать, что люди могут быть хозяевами своей судьбы, могут иметь политические права, незыблемые права человека, а здесь всё продолжалось по старому: я – начальник, ты – дурак. Этот принцип сверху донизу работает, и пока этот принцип работает, остаётся здесь Советский Союз.

Анна Соусь: А он может умереть?

Станислав Шушкевич: Он должен умереть. Он должен умереть, но это не произойдет без старания белорусского государства, без старания правительства, белорусского парламента. А их нет фактически. У нас есть один человек, убого образованный, скажем, причём жизнь его не учит. Он может одеть маршальскую форму или форму генералиссимуса, но останется по званию капитаном. Жизнь должна меняться и людей нужно учить... Ведь в чём вся трагедия? Я это поздно понял, поздно сформулировал для себя. Что произошло на Западе? Они пережили тяжёлые революционные страхи и во Франции, и в Британии и пришли к пониманию правового, демократического

государства. Мы не ценим исходные буржуазно-демократические ценности, которые достигались буржуазными революциями на Западе. Сегодня возьмите право на собственность, законом утверждённое. Кто сегодня ставит этот вопрос? Когда у нас обсуждалось право на землю, то подавляющее большинство председателей колхозов говорили, ничего не понимая в этом и зная об этом понаслышке, что у нас чуть ли не общинный строй, что земля никому не принадлежала... Хотя она принадлежала... Эту систему очень трудно строить, если нет свободных масс-медиа, и будет навязываться тот строй, который хочет правитель Лукашенко. Он навязывает тот строй, который позволяет сохранять его власть...

Анна Соусь: А давайте вернёмся к временам, когда вы были руководителем белорусского государства. Первый президент Украины Леонид Кравчук, с которым вы вместе подписывали Беловежские соглашения, участник проекта "Россия и я", когда я его спросила про лучшие и худшие дни в отношениях с Россией, сказал, что светлые дни были тогда, когда Украина соглашалась безоговорочно с российскими предложениями, и как только Украина занимала в чём-то какую-то свою принципиальную позицию, сразу возникали противоречия с Россией. Если говорить о плохих и хороших днях в отношениях с Россией, когда вы были во главе белорусского государства, могли бы вы назвать самый лучший и самый худший день?

Станислав Шушкевич: Лучшим я назову 1991-й год, декабрь, когда Россия признала независимость Беларуси. Лучшим я назову 12 июня 1991 года, когда Ельцин всенародно был избран президентом. Ельцин был истинным сторонником демократии. У него были фантастические сложности, и когда он испытывал эти сложности, мы их тоже испытывали. Потому что на его давили коммунисты, давили левые, он вынужден был создать левое правительство, он вынужден был отстранить своих ближайших соратников, включая Бурбулиса. С Гайдаром тоже так было, потому что реформы шли туго. Реформы шли туго, потому что население не успевало осознать. Трудно вам назвать какие-то времена, но самое важное, чтобы тенденция была правильная, чтоб мы шли к независимости.

Анна Соусь: А худший день в те времена?

Станислав Шушкевич: Худший день – это когда произошла фальсификация референдума о двуязычии и смене символики. Нельзя было его принимать Беларуси... Ухудшение шло одно за другим, потому что пропагандистская машина работала в одну сторону. 82 % коммунистов было в Верховном Совете 12-го созыва, когда я был председателем Верховного Совета Беларуси. Я вспоминаю, например, как я пытался аграрной комиссии сказать, что может быть право собственности на землю, так там чуть в обморок председатель этой комиссии не падал. И по многим другим позициям. А сегодня у нас... Разве можно восславлять что-то типа «Линии Сталина»? Разве можно делать

главным национальным праздником день освобождения Минска от фашистов? Это действительно праздник, но несоизмеримый с 25 марта 1918-го года, днём образования Белорусской Народной Республики, несоизмеримый с принятием Декларации о независимости и придании ей права конституционного закона. Игра на таких штуках – это заявление о своей пророссийскости. Оно не на пользу Беларуси, белорусской независимости. Мы переживаем сложные времена, а хороших времён ещё не переживали... Если Лукашенко почувствует, что он теряет власть, то он всё отдаст России. Не говоря уже о Беларуси.

Анна Соусь: Станислав Станиславович, вы имели очень близкие отношения с Борисом Ельциным, вы считаете себя горячим сторонником Ельцина. На ваш взгляд, чем принципиально отличаются Ельцин и Путин и что у них общего по отношению к Беларуси?

Станислав Шушкевич: Ельцин – великий россиянин. У него были истинно российские, коренные слабости, но и истинно российские коренные достоинства. Он не был лицемерен. А Путин – это профессиональный шпион. Ельцин – профессиональный строитель, профессиональный руководитель строек, руководитель людьми. А Путин – профессиональный выяснитель человеческой сущности. И он выясняет это таким образом, как это требовалось для КГБ. КГБ – это порочная организация, все пытки, все ГУЛАГи были связаны с этой организацией. Это однозначно. Как говорить, "у чекиста должны быть чистые руки и открытое сердце" – это всё чепуха. Первый чекист подписал на миллион расстрелов документы, Сталин подписал, Берия подписал – все подписывали. Это жуткая история. А Ельцин был велик в своей правдивости. Он говорил: берите свободы, национальной я имею в виду, сколько хотите, сколько можете освоить. И он был прав. Соизмерить их нельзя.

Анна Соусь: А было ли у них что-то общее как у российских лидеров по отношению к Беларуси? Вот так называемое союзное государство при Ельцине начало создаваться...

Станислав Шушкевич: Я думаю, что Ельцин имел все основания надеяться, что есть какая-то правдивость со стороны Лукашенко. Я очень хорошо был знаком во времена начала правления Лукашенко с сотрудниками аппарата Ельцина. Я им говорю: «Как же вы допускаете, что Лукашенко про Ельцина плохо говорит, что он уже старый, и вообще не очень там шурупит». Они говорят, что долго думали, что тут делать. Ну не заявлять же государственный протест и Борису Николаичу сказали так: «Борис Николаич, вы царь, вы глава великого государства, а это вождь такого небольшого дикого племени, он и плетёт, что хочет. Он поменяет своё мнение к завтрашнему дню, и зачем сегодня ему заявлять, что он плох в своих подходах». Я могу назвать даже фамилии, с кем я тогда говорил – руководителями аппарата Ельцина. И он

посчитал, что перемелется, что у Лукашенко не может быть стойкой, достойной политической позиции. У него есть позиция личной выгоды в отличие от Ельцина, который никогда не зажимал журналистов, не уничтожал оппозиционных политиков. Здесь же для достижения цели все средства были хороши. Поэтому сравнивать Ельцина и Лукашенко, сравнивать Ельцина и Путина нельзя. Я думаю, что это была ошибка Ельцина, что он назначил Путина. Но она была очень хорошо обоснована, очень хорошо подготовлена профессионалами в КГБ, которые знают, как оперировать людьми. Путина подали как человека, который был в команде Собчака, как образованного юриста, как человека, который продемонстрировал, что он может хорошо управлять КГБ. Великий Сахаров, великий физик и великий человек, в 1988 году сказал, что если будет реформироваться Союз, то он возлагает большие надежды на КГБ, потому что КГБ – это единственная не коррумпированная организация и единственная высокопрофессиональная организация, и поэтому она может осуществить преобразования. Но эта организация быстро потеряла свой профессионализм как структура, заботящаяся о государственной безопасности, и быстро приобрела коррупционные свойства как структура, заботящаяся о благополучии своих руководителей и опекаемых этими руководителями политиков. И Ельцин так думал. В Америке часто говорят, что истинные политики должны пройти школу разведки. Но там это иная школа, там кое-чему учат. И получилось, что фактически Сахаров повторил этот американский тезис, что высшие политики должны пройти школу КГБ.

Анна Соусь: Известно, что в 1996 году по личной просьбе или по требованию Бориса Ельцина были освобождены белорусские оппозиционеры Юрий Ходыко и Вячеслав Сивчик, которые объявили голодовку протеста в тюрьме. Также известен факт, что Борис Ельцин звонил Александру Лукашенко и просил или требовал, чтобы освободили из тюрьмы журналиста Павла Шеремета, арестованного за репортаж про переход белорусско-литовской границы. Когда на вас было сильное давление в Беларуси со стороны партийной номенклатуры, когда был этот знаменитый антикоррупционный доклад Лукашенко о ящике гвоздей, который вы якобы украли, как вы думаете, мог бы тогда Ельцин попробовать вмешаться и каким-то образом переговорить с Кебичем, мол прекратите травлю Шушкевича...?

Станислав Шушкевич: Это смешная концепция в принципе. Главным травителем меня был Кебич. Но я этого не признавал. Кебич в разговоре со мной был такой пушистый, гладкий, обаятельный, и мне казалось, что мы с ним можем многое сделать. В своей книге он пишет, что я его фактически заставил подписать Беловежское соглашение. Это глупость. Это ему нужно было написать для того, чтобы Лукашенко дал ему достойную пенсию, так оно и получилось. После того, как избрали Лукашенко, Кебич понял, что надо служить ему верой и правдой. Но когда мы шли на выборы, главным своим конкурентом Кебич считал меня. Вся партийная номенклатура его

поддерживала, он им подходил, чтоб сохранить старые порядки. И он не мог говорить всякие мерзости обо мне, потому что хорошо понимал, что это враньё и прочее. А Лукашенко... Мне это напоминает очень старый одесский анекдот. Приходит к ювелиру человек с большим алмазом и просит расколоть драгоценный камень. Ювелир говорит: «Васька, иди сюда! Расколи этот камень». Васька берёт нож, щёлкает, камень распадается на две части, клиент теряет сознание. Очнулся и говорит: «Я был у лучших ювелиров Лондона, Парижа, Амстердама и никто не брался, потому что боялись, что камень рассыплется в порошок». Ювелир говорит: «Вы знаете цену этому камню? И я знаю ему цену. А у этого рука не дрогнет». Так вот у Лукашенко не было понимания, он мог нести полную околесицу. Если разобраться в сущности его обвинений, то было пять килограмм лишних гвоздей израсходовано на какие-то ремонтные работы, которые по моему заказу сделали в СКТБ, дверь повесили к гаражу. Кебич не мог так. Он – образованный человек, у него много положительных качеств, но вот это подлейшее коммунистическое качество у него было. Для достижения личной цели все средства были хороши, поэтому он натравил Лукашенко и не понял, что сам себе яму вырыл. Вся номенклатура работала на него, а он получил достаточно низкий процент голосов.

Анна Соусь: Поддержать вас в этой ситуации Борис Ельцин мог?

Станислав Шушкевич: Это абсолютно недопустимо было. Это просто было бы неправильно, это было бы вмешательством Ельцина во внутренние дела, ведь формально меня никто не преследовал. Так в чём меня поддерживать? Ведь заявить Лукашенко, что я не мог украсть пять килограммов гвоздей, это же смешно для президента России. Не было таких оснований. Я очень тогда хорошо контактил с аппаратом Ельцина, но я сам бы посчитал, что поступаю антибелорусски, обращаясь с просьбой в соседнее государство. Это было исключено. О таких делах обычно говорят: "сделал меньше, чем хотел, но больше, чем мог". Пусть кто-нибудь мне сегодня назовёт такое деяние, которое соизмеримо с тем, что я сделал.

Анна Соусь: Вы часто говорили, что не упустили две возможности – вывезти ядерное оружие с территории Беларуси и де-юре констатировать, что Советский Союз прекратил своё существование. Сейчас в Украине многие обсуждают, надо ли было подписывать Будапештский меморандум. Вывод ядерного оружия не гарантировал, как оказалось, территориальной целостности Украины, которую нарушила Россия. Беларусь тоже подписала Будапештский меморандум, тоже отказалась от ядерного оружия. С самого начала вы согласились на вывод ядерного оружия без всяких условий. Принципиально согласились. Как вы сейчас смотрите на это? Леонид Кравчук в интервью сказал, что в любом случае надо было подписывать этот меморандум, что это было правильное решение вывести оружие.

Станислав Шушкевич: Не совсем всё точно говорит Кравчук и не совсем всё точно говорят обо мне. 8 декабря 91-го года, когда мы подписали Беловежское соглашение, я сказал: "Я считаю, что Беларусь должна вывести со своей территории ядерное оружие, и берусь убедить в этом Верховный Совет". Без компенсаций, без предварительных условий. Почему я это сделал? Я понимал, что такое ядерное оружие на территории Беларуси. Это оружие, находящееся на поверхности. Для того, чтобы уничтожить этот плацдарм, способный уничтожить всю Европу, его надо накрыть тоже ядерным оружием. Этим бы ликвидировалось ядерное оружие, ликвидировалась бы Беларусь как нация и Беларусь как государство. Я это понимал, и я убедил в этом Верховный Совет. Приняли решение, что выводим ядерное оружие без компенсаций и без предусловий. В Украине было более сотни шахт, они были все глубоко в земле, и как ни ударь по этим шахтам, они не будут уничтожены и будут продолжать представлять опасность. У Украины было больше оснований что-то большее потребовать за это ядерное оружие. Кравчук своим поведением фактически упрекал меня, может негласно, за то, что я сказал "выведем". Было много сложностей, порождённых этим моим заявлением, но я считаю, что это был ход для спасения белорусской нации. Мы были российским заложником, потому что, я повторяю, на территории Смоленской области не было ядерного оружия, а на территории Беларуси было... Почему сейчас говорят, что чуть ли не Россия освободила Беларусь от оккупантов? Белорусов в пересчёте на душу населения полегло в процентном соотношении значительно больше и в борьбе с фашистами, и в Афганистане, хотя Беларусь ничего от этого не имела и ничего этого не хотела. Она была просто российским рабом. И вот с этим надо было кончать. И ядерное оружие нужно было выводить, чтоб мы могли почувствовать себя самостоятельными. Многие говорят, что мы проиграли. И действительно, ведь были курьёзные случаи. Закон Лугара-Нанна, 400 миллионов долларов (тогда это большая сумма была) на содействие тем, кто становится безъядерной зоной. Я приглашаю Лугара к нам и говорю, что наши юристы изучили ваш закон. Мы, говорю, без всяких условий согласились вывести ядерное оружие, мы тратим на это наши деньги, а по вашему закону нам помочь невозможно. Там получалось, что можно было помочь тем, кто сопротивлялся этому выводу. И здесь я понял, что такое американские юристы. Лугар говорит: «Эти юристы придумали этот закон, это мои юристы, я даю им время завтра до 12 часов и они придумают, как вам помочь». И придумали, они помогли.

Анна Соусь: Позвольте я ещё раз Леонида Кравчука процитирую, мы с ним записывали интервью для проекта "Россия и я". Он сказал, что Путин сделал из России и Украины Каина и Авеля, и что Украина и Россия уже никогда не будут братьями. В отношении России и Беларуси разные политики часто используют эту риторику про братские народы. Как вы считаете, может такое произойти, что белорусы будут говорить, как украинцы россиянам: "Никогда мы не будем братьями"?

Станислав Шушкевич: Я думаю, что Путин сделал очень плохое дело в отношениях между украинцами и русскими. Я это говорю, не ссылаясь на мнение Кравчука, которого очень уважаю. Я был в Украине не один раз, и никогда там не было такого как сейчас отношения к российской власти, давайте будем говорить, к Кремлю. Украинцы очень хорошо шутили. У меня здесь стоит кружка с надписью: "Дякуй тобі боже, що я не москаль". Казалось бы, такое оскорбление, но это хорошая штука! Леонид Макарович Кравчук имеет все основания заявить такое. Но я думаю, не глядя на его величайший опыт и понимание ситуации, что можно быть менее категоричным. Я просто приведу примеры. Мне кажется, что так испортить отношения Украины с Кремлём и в значительной мере с русскими, как испортил Путин, вряд ли можно. Но то, что это можно восстановить, я тоже убеждён. Например, существует комиссия по сложным вопросам польско-российских отношений. Ещё сложнее были вопросы украинско-польских отношений... И я думаю, что здесь это эмоции. Невозможно убить доброе отношение, несмотря на всё мерзопакостное отношение российской власти к Беларуси. Я всегда категорически считал (и Ландсбергис такой же точки зрения придерживается), что надо разделять Россию и Кремль, Россию и российскую власть. Российская власть очень часто входила в глубочайшие противоречия с российской интеллигенцией. Сегодня мы в общем-то не кусаемся с Россией. Нет оснований. У нас общие беды, общие муки, а сейчас вообще у нас общая диктатура. Был Лукашенко последним диктатором в Европе, а Путин решил, что он тоже сформируется как последний диктатор. И как это ни странно, сформировался и получил поддержку, потому что ментальность российского народа – процарская, нужен великий царь, а потом уже права человека. Нужен тот, у кого можно просить блага, а не ситуация, в которой можно самому строить свою жизнь и создавать благо.

Анна Соусь: А беларусы могут сказать россиянам "никогда мы не будем братьями"?

Станислав Шушкевич: Нет, не могут так сказать. Мы будем братьями, только мы не будем рабами российской власти. «Я – мужык, а гонар маю». Мне кажется, что Янка Купала очень хорошо это сказал. Мы знаем, что такое человеческое достоинство, и хотелось бы, чтобы у нас россияне этому поучились. Нельзя унижать человеческое достоинство украинской власти. Как это государство, входящее в СНГ, вдруг отбирает какую-то территорию? Допустим даже, может быть, с какой-то там точки зрения это и справедливо. Но можно найти много позиций, которые говорят, это категорически несправедливо, есть же законы, есть международное право. Разве можно так поступать?

Анна Соусь: А как можно остановить войну в Украине? Как вы думаете, долго ли она будет продолжаться?

Станислав Шушкевич: Я думаю, что долго, потому что остановить нельзя. Путин попал в такое положение, что ему отступить сейчас нельзя. Вся его популярность основана на том, что он продолжает дело Сталина, Петра Первого и В.И.Ленина. Это все имперцики в конечном счёте. А России нравится быть империей, и многим российским интеллигентам, возьмите вы Гоголя того же, который не может поделить Украину с Россией. Украина считает его украинским писателем, Россия – российским, хватит на всех. Куда же ты тройка, несёшься и всех удивляешь – эти фразы нас заставляли учить в средней школе, что Россия должна показывать пример всему миру. И этим пропитано сознание российского народа, и когда «Крым наш». Кстати, это чепуха всё абсолютная, что Крым истинно российский, что Крым всегда был российский, наш Крым и мы его себе вернули. Пусть там соврали на десяток процентов, но большинство людей в России поддерживает такой подход. Это говорит о дремучем политическом невежестве российского населения. И это дремучее политическое невежество стремится сохранять сегодняшняя российская власть.

Анна Соусь: Вы начали уже говорить про российские военные базы в Беларуси. Какие угрозы они несут и, возможно, есть какие-то преимущества для Беларуси от этих военных баз?

Станислав Шушкевич: Мы очень корректно поступали с Россией во время моего председательства. Я по образованию физик и понимаю, зачем нужны были те две базы, которые издавна были в Беларуси. Это радиолокатор под Барановичами и база для связи с подводными объектами. Это было бы недобросовестно по отношению к хорошему соседу встать на такой путь, что мы не хотим никаких российских баз. Но мы должны были наметить путь, и Россия должна была проводить такую политику, чтобы её баз на белорусской территории не было. И мы шли по этому пути и чётко об этом говорили. Ну а дальше есть другая позиция. Мы – братские народы, давайте вместе бороться с НАТО, я буду флагманом борьбы с НАТО, – про это Лукашенко заявляет. Это значит так: я хочу быть рабом Кремля, а за это позвольте мне здесь сделать то, что я хочу. Так и происходит.

Анна Соусь: А эта база, которую Россия планирует теперь разместить, может ли она быть использована в том случае, если Россия решит начать открытый военный конфликт с Украиной?

Станислав Шушкевич: Я думаю, что открытый военный конфликт с Украиной просто не возможен. Украина это понимает, и Россия это понимает, что может быть только победоносная российская война. Как бы ни сопротивлялась Украина, сколько бы она ни положила своих сынов в этой борьбе за справедливость, она эту войну проиграет. Потому что соизмерить военный потенциал России и военный потенциал Украины невозможно. Тем

более белорусский. И надувать щёки может только правитель типа Лукашенко, что у нас независимые войска. Мы зависимые, мы попрошайничаем, чтобы Россия нам что-то поставила, и мы говорим, что за это будем вам помогать в войне. Мы с вами говорим с позиций чисто человеческих. А есть политические вопросы, которые решаются совсем не таким благоприятным и демократичным для всех образом. Я не идеализирую Соединённые Штаты. Ряд их поступков мне не нравится. Но они прекрасны тем, что эти вопросы могут обсуждаться. В России же сейчас запрещено обсуждать нероссийский Крым. Крым -- вечно российский, и прочее. Они принимают такие законы, которые нарушают права человека на свободу высказывания, свободу иметь своё мнение. До этого я не хотел бы, чтобы мы дожили.

Анна Соусь: Александр Лукашенко предоставил Минск как площадку для переговоров в военном российско-украинском конфликте. Давайте попробуем провести параллель. Когда-то Беларусь не признала Южную Осетию и Абхазию, и очень много дивидендов белорусское руководство получило от Запада за это. Может, и теперь ситуация повторяется, только дивиденды идут за поддержку Украины?

Станислав Шушкевич: Есть политики, у которых ясные высказывания и чётко сформулирована цель. И попадают политики типа Лукашенко. В начале выступления он будет пророссийский, а в конце он будет прозападный. И если кто-то на Западе хочет его поддержать, они будут цитировать первую часть его выступления, а в России будут цитировать вторую часть. Лукашенко никакой роли не сыграл в принятии минских соглашений. Он был, так сказать, лакеем, который проводил к столу заседания канцлера Меркель и президента Оланда, и дальше никто не спрашивал его мнения, он никакого документа не подписывал. Просто географически Беларусь расположена таким образом, что здесь удобно это было делать. Более удобного места нет. И он хочет выгоду от этого получить и от Запада. В своё время Лукашенко брался помирить всех с Хусейном, он предлагал свои услуги по примирению, хотя он ничего в это не понимал. Он предоставил место для переговоров, но не больше.

Анна Соусь: А каким вам видится оптимальный формат взаимовыгодного сотрудничества постсоветских государств с Россией? Например, в Эстонии оно происходит на уровне культурного обмена и экономического сотрудничества. У Грузии и России сейчас разорваны дипломатические отношения. Украина и Россия фактически в состоянии войны находятся. В Беларуси с Россией тесные отношения: так называемое Союзное государство, Евразийский экономический союз. Какой оптимальный формат, чтоб были соблюдены национальные интересы и сохранялось взаимовыгодное партнёрство?

Станислав Шушкевич: Оптимальный формат – это нелицемерные отношения, чтобы вещи назывались своими именами. Когда сначала принимается политическое решение, и оно уже должно влиять на экономические отношения – это абсурдно. Посмотрите на мелкое жульничество. Назарбаев говорит: «Хватит тебе, Лукашенко, выдавать молочный порошок за молоко». А этот говорит: «Нет, мы всегда молоко поставляем отдельно, а молочный порошок отдельно». Чтобы вопрос о молочном порошке или о молоке, о куриных ножках дошёл до глав государств, это значит какая-то нелепица есть на более низком уровне. Надо налаживать эти отношения на всех уровнях. Я много раз был в Эстонии. Когда Россия решила наказать Эстонию за её независимую гордую политику, которую даже профашистской назвали в России, они ввели санкции по отношению к тому же Таллину, и тогда русскоязычное население Таллина, а это ровно половина населения Таллина, послала делегацию в Москву, которая сказала, что ваши санкции прежде всего притесняют в Эстонии русскоязычных. Я хочу сказать, что учиться бы надо России у Эстонии. Пусть меня простят россияне. Ведь такое уважение к первому президенту России, которое явила Эстония, ни одна страна вообще не показала. За что Эстония благодарит Ельцина? Эстонцы собрали деньги, не государство, и поставили барельеф Ельцину за то, что он не допустил кровопролития, когда в Эстонии была дислоцирована Пензенская дивизия ВДВ. Я был приглашен на открытие памятника Ельцину в Таллинне. Там была вдова Ельцина, российские политики, и не было ни одного представителя российского посольства. И это же возвеличивали первого президента России, который прекратил кровопролитие. Надо молиться на таких людей, на память о них, но Россия почему-то это забывает...

Анна Соусь: Станислав Станиславович, единственный визит президента Соединённых Штатов Америки в Беларусь в 1994 году был организован вами при очень сильном противостоянии партийной номенклатуры. И вашему визиту в Америку также сопутствовали большие сложности, но он положил начало очень многим белорусско-американским соглашениям. Как вы видите отношения Беларуси и США, какими они были во времена, когда вы руководили белорусским государством, и теперь? Какими они должны быть?

Станислав Шушкевич: Они должны быть нормальными, Штаты не диктуют нам верноподданнических отношений. Я по сей день горжусь тем, что было сделано. Штаты восприняли нас как нормальное независимое государство. При нашей бедноте, при нашей туге просвещённости... Жена Геннадия Буравкина, представителя Беларуси в ООН, в своих воспоминаниях описала, какая приехала в США белорусская делегация. Был полный самолёт. Я был сторонником, чтобы люди посмотрели, что такое Штаты. Были там депутаты, члены правительства. Есть вопросы высшего уровня, которые надо оговорить и подписать с президентом Клинтонем, а есть вопросы с Федеральной финансовой службой, с правительством -- экономические вопросы, целый комплекс... Не глядя на нашу, простите, лопоухость в одежде,

хотя мы там старались, как могли, нас восприняли как представителей нормального цивилизованного европейского государства. И надо было продолжать эти отношения. Валовый внутренний продукт Беларуси в сотни раз меньше валового внутреннего продукта Соединённых Штатов, и представителей Беларуси принимают по первой категории, устраивают парад в одеждах времён гражданской войны, принимают в Пентагоне, в Белом Доме, в Федеральной службе, везде. Жена моя тоже не топором тёсанная, всё-таки по нашим меркам тоже цивилизованный человек. И для нее специальная программа, ей показывают, какие могут быть культурные связи. Она приглашает в Беларусь Хилари вместе с Клинтоном. И тогда всем понравилось выступление Клинтона в Академии наук.

Я вспоминаю, как готовили этот визит. Мне говорят, что надо, чтобы он посетил коллектив часового завода. Ну я говорю: «Дорогие мои, ну что это, посещение часового завода, пусть меня эти часовщики простят, но это мелочёвка для президента, а вот если он закончатит с научной молодёжью, это будет очень здорово». Со мной соглашаются, но снова по-своему, по-коммунистически действуют. Приносят мне рассадку на встрече в Академии наук с молодыми учёными. Первые три ряда – ветераны с наушниками. Слушайте, я же не враг ветеранов, но я сторонник здорового смысла. Как можно на встрече с молодёжью посадить в три первых ряда ветеранов. И что мне делать? Это уже известно ветеранам, что они приглашены на три первых ряда. Я говорю: «Сохраните уважительное отношение к ветеранам, как хотите, но в три первых ряда должны сесть люди, которые понимают английский язык». Так оно и было. Я этих людей из трёх первых рядов, сколько езжу по зарубежью, по сей день встречаю. К сожалению, они не нашли возможности приложить свои силы и образование в Беларуси и работают в Австралии, в Сингапуре, в Соединённых Штатах. Нельзя с великой страной ссориться, тем более если она к вам отнеслась как к равному партнёру. Это надо долго подумать, чтобы довести отношения до такого безобразного состояния. Не можем мы найти нужные нам технологии в Арабских Эмиратах, и даже в Китае. А мы хотим у нас сделать Силиконовую долину на подножном корму. Так не получается.

Анна Соусь: Станислав Станиславович, в рамках этого проекта я делала интервью с бывшими руководителями многих постсоветских государств, большинство их имеют специальные офисы, в Молдове, в Армении, в других странах действуют законы о бывших президентах, в которых оговорена их пенсия, охрана, помощники. Мы с вами записываем интервью в вашей квартире в Минске. Многим белорусам это известно, но в России, в Украине, может быть люди не знают, почему у вас нет офиса как у бывшего руководителя государства? Почему долгое время пенсия была меньше одного доллара?

Станислав Шушкевич: Политическая корректность – это удел образованных людей. Удел образованных не формально, не по диплому, а внутренне. Я всегда вспоминаю академика Лихачёва, российского интеллигента, который говорил на съезде народных депутатов СССР: «Можно прикинуться учёным, можно прикинуться инженером, можно прикинуться торговцем, но нельзя прикинуться интеллигентом». Так вот наш президент – он не может быть интеллигентным человеком по природе. Поэтому он поступает самым бессовестным неинтеллигентным образом. Я не унижаюсь до того, чтобы у него что-то просить. Пока я здоров, я могу зарабатывать себе на жизнь и имею много приглашений, где могу работать. Но не в Беларуси. В Беларуси мне запрещено работать. Когда я здоров, у меня проблемы нет, но, когда у меня есть проблемы со здоровьем, я задумываюсь над тем, что нужно что-то иметь в Беларуси. Пока я ничего не имею.

Анна Соусь: Вы мне говорили, что каждый день, когда вы просматриваете новости, обязательно открываете сайт белорусской Свободы...

Станислав Шушкевич: Да. Когда был августовский путч 1991 года, благодаря Радио Свобода, которое я слушал у себя на даче, я сел за руль своих Жигулей и приехал в Минск. Радио Свобода подтолкнуло меня к действиям. Я приехал и сказал Дементю, председателю Верховного Совета, что нужно собирать Сессию, что это контрреволюция, это путч в общем-то сталинистов. Без понятия был Дементей. Он был достаточно добросовестный, чисто коммунистический деятель, без понятия о том, что происходит в мире. Говорит, что звонил в Москву, и там всё в порядке... Тогда мы уже открыто слушали Радио Свобода, до этого подпольно. В Минске было почти невозможно слушать Радио Свобода в советское время, а за пределами Минска более-менее ловился сигнал. У меня вошло в привычку сначала слушать, но теперь я практически не слушаю, а на сайте каждый день ищу новости. Я думаю, что белорусский сайт очень приличный... Хорошо, что это радио есть, потому что иначе были бы большие сложности. И плохо, что нет трансляции Радио Свобода на ультракоротких волнах, тогда можно было бы слушать в автомобиле. Но есть интернет. Я очень доволен, что есть Радио Свобода.